

*Посвящается Бейли, Гансетту, Чарли, Клем и Одри,
без которых эта книга не появилась бы*

Я учуял его — точнее, спиртное, которым от него пахло — еще до того, как он открыл дверь. Это и понятно: обоняние у меня отличное, лучше, чем у вас, людей. Ключ неуверенно потыкался в замок, прежде чем наконец попал в скважину. Дверь распахнулась, и в коридор, пошатываясь, вошел Берни Литтл, учредитель и совладелец «Детективного агентства Литтла» (вторая половина фирмы принадлежала Леде, бывшей жене Берни, и она свое уже оттяпала). Конечно, мне приходилось видеть напарника и в более скверном состоянии, но это случалось редко.

Он выдавил слабую улыбку:

— Здравствуй, Чет.

Я стукнул хвостом по полу в знак приветствия.

— Прости, я, кажется, припозднился. Тебе, наверное, нужно на улицу?

С чего бы вдруг? Неужели заметно, что мочевой пузырь уже давит мне на уши? Стоп, что это я? Берни сейчас не позавидуешь. Я подошел и прижался к его ноге. Он почесал меня за ушами, основательно запустив пальцы в шерсть — именно так, как мне нравится. Кайф...

А теперь бы еще вот тут, поближе к холке. Я слегка сгорбился, намекая на желаемое. Ага, ага, здорово!

Мы вышли из дома, я и Берни. Из трех деревьев растущих на лужайке, мне больше всего по душе самое крупное и тенистое, под которым так сладко спится. Я подбежал к нему и задрал лапу. Уф-ф. Еще чуть-чуть, и случилось бы непоправимое. Ночь наполнилась журчанием, я отключился от внешнего мира, поглощенный приятным звуком. В конце концов я — признаться, с трудом — остановил струю, приберегая остаток для того, чтобы пометить камень в конце подъездной дорожки рядом с дощатой изгородью, отделяющей нашу землю от участка старика Гейдриха. Да и между досками тоже надо sprysnut'. Обычное дело, только ради всего святого не спрашивайте меня про старика Гейдриха.

Берни смотрел вверх, на небо. Прекрасная ночь — слабый ветерок, россыпь звезд, на склонах каньона мерцают огоньки... А это что? На лужайке лежал новый теннисный мячик. Я подбежал и обнюхал его. Запах чужой.

— Хочешь поиграть в «бросай и лови»?

Я потрогал мячик лапой. Как он сюда попал? Я провел весь день взаперти, но держался начеку — разумеется, за исключением того времени, когда спал.

— Чет, неси его сюда.

Не хочется выполнять приказ, пока от этой штуки исходит запах чужака.

— Ну же, Чет!

Никогда не мог отказать напарнику. Я раз-другой облизнул белый шарик, сделав его «своим», потом взял в зубы и принес к ногам Берни. Тот развернулся и кинул мячик на дорогу, ведущую к каньону.

— Гм... куда же он делся?

Как «куда»? Берни, неужели сам не видишь? Поразительно, как ухудшается человеческое зрение после захода солн-

ца! Яркое белое пятно, подскакивая, катилось по середине дороги. Я рванулся за игрушкой так, что мои задние лапы обогнали передние, подлетел вверх, схватил мяч своим излюбленным способом — в прыжке, резко развернулся, скользнув юзом, и на полной скорости понесся обратно с низко опущенной головой и распластавшимися на ветру ушами. В последний момент едва успел затормозить и выложил трофей у ног Берни. Если кому-то известна более увлекательная забава, шепните мне по секрету.

— Уже поймал? А мне отсюда ну ничегошеньки не видно.

Я махнул хвостом — быстрое движение «раз-два», обозначает «да», в отличие от энергичного виляния, которое имеет массу смыслов, причем не все из них я сам могу объяснить.

— Молодчина. — Берни поднял руку, собираясь вновь бросить мяч, и в этот момент по дорожке к нам медленно подъехала какая-то машина.

Автомобиль остановился, стекло опустилось, из окна выглянула женщина.

— Простите, это дом 13-309?

Напарник кивнул.

— Я ищу Берни Литтла, частного детектива.

— К вашим услугам.

Женщина открыла дверцу и собралась выйти, но тут заметила меня.

— С вашей собакой все в порядке? — опасливо спросила она.

Я почувствовал, как Берни напрягся.

— Смотря что вы имеете в виду.

— Она не кусается? Если честно, я немного... побаиваюсь.

— Он вас не укусит.

Конечно, не укушу. Однако мысль определенно оставила след в моем воображении, поскольку рот внезапно наполнился слюной.

— Спасибо. От этих собак всего можно ожидать.

Берни что-то пробормотал себе под нос, совсем тихо, так что даже я не расслышал.

Незнакомка вышла из машины — высокая, с длинными светлыми волосами. От нее пахло цветами, лимоном и едва уловимо еще кое-чем — с представительницами моего племени такое случается довольно редко. Хм, каково это — постоянно находиться в подобном состоянии? Пожалуй, так и сбеситься недолго. Я взглянул на своего напарника. Он не отрывал глаз от женщины, поспешно приглаживая растрепанные волосы. Ох, Берни.

— Понимаете, даже не знаю, с чего начать. Это произошло впервые...

— Что именно?

Женщина сцепила руки. Руки — самая странная часть тела у людей и одновременно самая полезная. По ним можно узнать практически все.

— Я живу неподалеку, на Эль-Президенте. — Она неопределенно взмахнула кистью.

Эль-Президенте? Это там, где полно сточных труб? Я плохо запоминаю названия улиц, кроме нашей собственной, Мескит-роуд, хотя, с другой стороны, чтобы добраться до места, мне вовсе не нужно знать его название.

— Я — Синтия Шамбли. Вас порекомендовала моя коллега по работе, вы ей когда-то помогли.

— О ком вы говорите?

— Ее зовут Анджела Дипесто.

Я вспомнил длинную череду ночей, которые мы провели в машине, дежуря перед мотелями — там и сям, по всему штату. Мы — я и Берни — терпеть не можем брако-

разводные дела и в прежние времена даже не брались за них, но с некоторых пор, по выражению Берни, на нас свалилась проблема с «притоком наличности». По правде говоря, я толком не знаю, в чем заключается проблема с «притоком наличности», однако она заставляла моего партнера просыпаться посреди ночи, вскакивать с постели, беспокойно мерить шагами комнату и даже иногда закуривать сигарету, несмотря на то что Берни изо всех сил старается завязать с этой привычкой.

Он ничего не сказал насчет Анджелы Дипесто, только коротко кивнул. Берни — настоящий мастер по киванию. Навскидку я могу назвать сразу несколько кивков, явственно различающихся по смыслу и очень красноречивых, если хорошо знаешь напарника. Данный кивок обозначал: первая отправная точка есть.

— Энджи очень хорошо о вас отзывалась и в подробностях рассказывала, как вы приперли к стенке этого негодяя, ее мужа. — Женщина повела плечами, словно встряхнулась. Ну, по части встряхивания ей до меня далеко. — Когда... вы ведь живете почти по соседству и... в общем, я приехала сюда. — Она слегка покачивалась взад-вперед — у людей это признак того, что они нервничают.

— Так что все-таки случилось?

— Беда с Мэдисон. Она пропала.

— Мэдисон — ваша дочь?

— Разве я не сказала? Простите, я так расстроена, совсем не соображаю...

В ее глазах заблестели слезы. Занятный это процесс — плач; не звуки, со звуками все более-менее понятно, а жидкость из глаз. «Ну вот, опять включила водопровод», — говаривал Берни про Леду. Когда люди, особенно женщины, огорчаются, у них из глаз начинает литься вода. В чем тут причина? Берни опустил голову и начал неловко пе-

реминаться с ноги на ногу, видать, тоже не больно понимал в этом деле. Правда, однажды я видел, как слезы капали из его собственных глаз — в тот день, когда Леда собрала все вещи Чарли. Чарли — сын Берни и Леды, сейчас он живет с матерью и лишь изредка встречается с отцом. Мы — я и Берни — очень скучаем по нему.

Эта, как там ее, Синтия — признаюсь, я скверно запоминаю имена, фамилии и прочие дела, пока не рассмотрю лицо говорящего как следует — вытащила из сумочки платок и промокнула глаза.

— Извините.

— Вам не за что извиняться. Как долго отсутствует Мэдисон?

Женщина открыла рот, но в этот момент в кустах на дальнем конце подъездной дорожки что-то зашуршало. В следующий миг я оказался в гуще кустов, все обнюхал и даже немного взрыл землю, просто для порядка. Пахло не то лягушкой, не то жабой... или — ай! — змеей. Не люблю змей, никогда их не...

— Чет! Ты что там роешься?

Я вылез из кустов и потрусил к Берни. Эй, а почему мой хвост виновато поджат между ногами? Я задрал его и соорил невинную мину.

— Хороший мальчик. — Берни ласково похлопал меня по загривку. До чего приятно.

Женщина побарабанила мыском туфли по дорожке.

— Значит, вы отказываетесь мне помочь?

Берни тяжело вздохнул. В его взгляде сквозила усталость. Спиртное постепенно выветривалось. Скоро моего напарника потянет в сон. Я бы тоже не отказался прилечь, да и червячка заморить не мешало бы. Интересно, в кухонном ящике возле мойки еще остались косточки из сушеных жил? Те самые...

— Вы меня не совсем поняли. Ваша дочь сегодня не вернулась из школы. Получается, ее нет... меньше восьми часов? Копы и пальцем не пошевелят, пока не пройдет как минимум целый день.

Что такое «восемь часов», я представляю смутно, зато понятие «целый день» мне прекрасно известно: это промежуток времени между тем, когда солнце поднимается над скалами за гаражом и садится за горы с другой стороны.

— Вы — не коп.

— Верно. Мы с полицейскими порой расходимся во мнениях, но в этом вопросе я полностью их поддерживаю. Мэдисон — старшеклассница? Сколько ей лет, шестнадцать?

— Пятнадцать. Учится в классе для одаренных детей.

— Насколько я знаю, пятнадцатилетние подростки иногда забывают позвонить домой, особенно когда чем-то увлечены — например, решили сходить в кино, прогуляться с друзьями или потусоваться на вечеринке.

— Сегодня будний день.

— Даже в будние дни.

— Говорю же, она одаренный ребенок.

— Ну, Билли Холидей тоже была талантлива.

— Что, простите?

Женщина смутилась; смущенная человеческая физиономия почти так же непривлекательна, как сердитая. Фразу насчет Билли Холидей я тоже не понял, но по крайней мере имя мне знакомо: это певица, чьи диски Берни часто слушает, особенно когда на него нападает хандра.

Тем не менее Берни, кажется, был доволен собой, как будто заработал очко в игре. Я понял это по улыбке, мелькнувшей на его лице.

— Давайте договоримся так: если Мэдисон не появится до утра, позвоните мне. — Берни протянул собеседнице свою визитку.

Она враждебно покосилась на карточку и не взяла ее.

— До утра? Семьдесят шесть процентов дел, связанных с исчезновением людей, раскрывают в течение первых двенадцати часов либо... — в ее глазах опять заблестела влага, а голос дрогнул, как будто она поперхнулась, — не раскрывают совсем.

— Кто вам такое сказал?

— Никто. Прежде чем ехать сюда, я просмотрела информацию в Интернете. Поймите же, Мэдисон никогда бы так со мной не поступила! Если вы не желаете помочь, хотя бы посоветуйте, к кому можно обратиться.

Порекомендовать другое детективное агентство? На моей памяти ничего похожего не было. Лицо Берни оставалось непроницаемым.

— Если вопрос в деньгах, называйте любую сумму. Вдобавок получите солидную премию, когда найдете девочку. — Синтия порылась в сумочке, вытащила свернутую пачку денег, отделила несколько бумажек. — Пятьсот долларов для начала вас устроит?

Взгляд Берни словно приклеился к банкнотам. Красноречивое выражение, ничего не скажешь. Проблема с притоком наличности.

— Мне нужно осмотреть комнату Мэдисон. — Когда Берни приходится сдаваться, он действует быстро. Сколько раз я был свидетелем, как это происходило в разговорах с Ледой.

Синтия отдала ему деньги.

— Поезжайте за мной.

Берни затолкал банкноты поглубже в карман. Я подбежал к нашей машине — старенькому «порше» с откидным верхом и облупившимися боками, давно просившими краски — и, перескочив через дверцу, запрыгнул на сиденье переднего пассажира.

— Эй, вы видели, что сделал ваш пес?

Берни кивнул, уверенно и гордо. Один из лучших кивков!

— Его прозвище — Чет-Ракета.

Да, иногда Берни меня так называет, правда, нечасто.

За домом, в каньоне, слышался крик скунса. Позже надо будет заняться этим вопросом. Сонливость вмиг испарилась. Мой партнер, бодрый и целеустремленный, повернул ключ в замке зажигания. Работа всегда придает нам сил — мне и Берни.

2

Людам жутко нравится ловить кайф. Они накачиваются спиртным, курят всякую гадость, глотают таблетки и даже втыкают в себя иголки — всего этого мы с Берни навидались вдоволь. Однако смысл их действий от меня всегда ускользал, и я долго мучился вопросом: что такое кайф? А потом меня осенило. Что нравится мне больше всего в мире? Ехать рядом с Берни в «порше», далеко-далеко и долго-долго. Сидишь на высоком переднем сиденье, встречный ветер расплющивает морду, а окружающие предметы и запахи — особенно запахи — проносятся мимо так быстро, что не успеваешь их все уловить. Движение, скорость, наплыв эмоций, экстаз! Я тоже кое-что понимаю в кайфе, испытывал его много раз.

Я наслаждался и теперь, когда мы ехали в автомобиле вслед за Синтией Шамбли, чья дочь, Мэдисон, возможно, пропала без вести. Перед моими глазами мелькали картинки: мужчина выносит мусор (завтра приедет мусоровозка? Ура!); Игги, мой приятель, лакает воду из миски на пороге, оборачивается в сторону «порше», слишком медленно, чтобы заметить меня — в этом весь Игги! А вот...